СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ — СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ

НАЧНЕМ с биографических данных: Петр Лукич Проскурин — молодой рабочий, сын брянских крестьян, солдат послевоенного призыва — пришел в советскую литературу в начале 60-х годов, когда ему было тридцать с небольшим. Первый сборник рассказов появился в 1960 году, в это же время вышел первый роман — «Глубокие раны», а через четыре года увидел свет зрелый роман — «Горькие травы», за ним — «Исход» и первый том «Судьбы». Значит, Петру Проскурину понадобилось всего десять лет, чтобы пройти путь ученичества, признания читателем и войти в большую нашу литературу.

Петр Проскурин — писатель прежде всего эпического склада, он умеет осмыслить переломные моменты развития нашего общества и в то же время заглянуть в глубины человеческой души. С первых своих повестей и романов писатель тяготеет к «широкоформатным» эпическим жанрам. Однако сегодня перед нами во весь рост стоит не только Проскурин-романист, но и автор талантливых повестей — «Тихий, тихий звон», «Тайга», «Шестая ночь». Кроме того, он незаурядный новеллист, мастер короткого рассказа, среди десятков его рассказов есть такие самобытные вещи, как «Вечерняя заря», «Снова дома», «В дождь».

Петр Проскурин как-то сказал такие значительные слова: «Народу нашему нужны творения, в которых жизнь взята глубоко, до основания, до материковых глубин». Именно эту цель писатель преследует во всех своих романах, начиная с «Глубоких ран» и кончая книгой «Имя твое». В первом романе молодой писатель лишь сделал заявку на такой подход к фактам истории и повседневного быта. Но в романах «Горькие травы» и «Исход» он уже решительно двинулся по пути трудного постижения «материковых глубин» действительности. В последних двух романах — «Судьба» и «Имя твое» — Петр Проскурин достиг еще больших результатов, и эти книги стали значительным литературным явлением последнего десятилетия.

В течение сравнительно короткого периода мы наблюдали бурный рост творчества писателя, и на этом пути важной вехой были «Горькие травы». К сожалению, некоторые критики до сего времени не могут объективно оценить этот роман. Так, В. Коробов, с похвалой отозвавшись о романе «Судьба», напрочь отверг художественную ценность романа «Горькие травы». «Горькие травы» были, пожалуй, одним из самых читаемых романов середины 60-х годов, — писал этот критик. — Но сейчас, спустя десять лет с момента опубликования «Горьких трав», видишь, что многое в романе было вызвано, как называется, злобой дня, проблематика его кажется во многом заданной, не волнует по-прежнему».

Не через десять, а уже через пятнадцать лет «Горькие травы» по-прежнему волнуют читателя, дают ему нравственный заряд. Повествование в романе совершается сильными, но неспешными потоками, они то текут параллельно, то пересекаются, затем сливаются в одно мощное русло. Такая структура произведения продиктована стремлением охватить как события исторические, так и частные судьбы людей различных социальных слоев. Если говорить о «злободневности» содержания, то автор романа проявил большое мужество, изображая негативные стороны в сложном развитии общества послевоенного десятилетия, в то же время он выразил глубокую веру в преодоление трудностей под руководством Коммунистической партии.

В этом романе Петр Проскурин создал ряд ярких, глубоко жизненных типов. Один из них — Дербачев, другой — его антипод Юлия Борисова. Даже сам конфликт между ними отражал важнейшее столкновение противоположных сил того времени. Кроме этих образов партийных руководителей, автору удались фигуры рядовых рабочих и крестьян.

В «Горьких травах» война присутствует только как воспоминание Дмитрия Полякова и Лобова, но чисто военных, батальных картин в романе нет. И все же народная борьба с фашистскими захватчиками привлекала Петра Проскурина, тем более, что, будучи подростком, он видел ее начало и переживал вместе с родными все ее тяготы. Первая попытка Петра Проскурина осмыслить некоторые стороны военной действительности была сделана в романе «Глубокие раны», посвященном подпольной борьбе с оккупантами. Роман «Исход» — произведение о партизанском движении в Брянской и Смоленской областях. В этом романе были несомненные достижения и даже открытия, но имела место и нарочитая усложненность, чрезмерная условность. Однако «Исход» является непосредственным подступом к военным картинам в романах «Судьба» и «Имя твое».

Петр ПРОСКУРИН

Беседуя со мною совсем недавно, Петр Проскурин сказал, что он стремился, чтобы каждый из двух последних романов был самостоятельным целым и в то же время чтобы оба составляли одно произведение. Этого писателю удалось достигнуть, и он вправе сохранить для обоих романов общее название — «Судьба», первый том назвать «Адамов корень», второй же — «Имя твое» (так он назывался в журнальной публикации). Поэтому правомерно рассматривать оба романа как единое эпическое повествование, где полно и ярко выразилась творческая индивидуальность автора.

Для композиции своего большого здания Петр Проскурин нашел надежный, своеобразный «каркас» — это семья Захара Дерюгина. Мы можем сказать, что от этого дерюгинского «корня» и пошли сильные стволы и молодые побеги. Рядом с дерюгинским древом возвышаются другие дерева, и нет им конца и края. Все вместе они, ведущие свое начало от «Адамова корня», составляют народ, крепко вросший корнями своими в родную почву. Переходя на язык деловой прозы, можно подчеркнуть, что семья Захара Дерюгина и Ефросиньи является типичной ячейкой советского общества, строящего социализм. Вот они, отпрыски дерюгинского древа: дочь Аленка — врач, сыновья Иван и Егор — колхозники, сын Николай — ученый и космонавт. Один из внуков Дерюгиных — Илья — учится в техникуме, другие подрастают, им уже уготовано светлое будущее, за которое воевал в рядах Первой Конной, а затем в пехотных частях под Смоленском Захар Дерюгин.

Один из критиков назвал «Судьбу» «семейной хроникой», другой — «хроникой колхозного села»... Оба критика, хотя тогда они знали только первый том, оказались не правы, и прежде всего потому, что вечное древо Дерюгиных произрастает не в пустыне, а на плодоносной почве в добром соседстве с другими. Иначе говоря, реалистическое мастерство Петра Проскурина не ограничивается рамками хроники одной семьи или хроники целого колхоза (кстати, Иван Мележ назвал свою трилогию «Полесской хроникой», но разве это только хроника белорусского села Курени?). Да, основные персонажи «Судьбы» — это образы членов семьи Дерюгина, но все они, начиная с бабки Авдотьи и кончая внучкой Ксеней, вступают в сложные взаимоотношения с окружающими лицами, с родственниками и земляками, с единомышленниками и врагами. Так появились на страницах романа самобытные фигуры крестьян и рабочих, инженеров и врачей, ученых и художников, солдат и партизан, партийных и государственных деятелей. Тем самым автор опроверг примитивное деление современной прозы на «деревенскую», «производственную», «военную» и т. п. Он дал нам широкую панораму советского общества в годы созидательной деятельности, в эпоху Отечественной войны и восстановления хозяйства страны.

Судьбы народные и судьбы людские выразительно, ярко запечатлены на эпическом полотне романа, хотя порою чисто художественные средства заменяются высокой гражданской публицистикой (размышления об атомной угрозе в начале мирного периода), в свою очередь публицистика сменяется обобщенно-символическими образами глубокого философского содержания. Едва ли можно забыть образ нищей женщины, умершей в копне соломы после рождения ее ребенка. Ведь этот образ не связан ни с сюжетом, ни со всей структурой произведения, однако выполняет очень важную функцию в идейном содержании романа. Вспомним слова Некрасова, которые так любил цитировать В. И. Ленин: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная — матушка-Русь!». Эту матушку-Русь из героев романа знала не только Авдотья, но и ее сын Захар, о ней напоминает покривившаяся, крытая соломой изба Дерюгиных. Но сын и невестка Авдотья строят уже новую жизнь, чтобы Русь нищую и убогую превратить в сильную и могучую. Образно эта мысль реализуется в картине стройки нового дома колхозниками для семьи Дерюгиных...

Перед войною Дерюгины перешли из избенки в этот светлый дом, но нашествие гитлеровцев рушит мирную жизнь; Ефросинья в решительную минуту сжигает свое дорогое гнездо вместе с пьяными солдатами. В дальнейшем самоотверженность этой женщины проявляется в заботах о детях и о матери, именно здесь она держала «второй фронт» в то время, когда ее муж пропал без вести, старшего сына угнали в Германию, а дочь ушла к партизанам. Над Ефросиньей и ее малыми детьми нависла зловещая тень прошлого в облике полицая Макашина. Роль незаметного, «будничного» героизма женщин подчеркнута финальной картиной в первом томе «Судьбы»: село Густищи освобождено, фронт продвинулся на запад, Авдотья и Ефросинья с ребятами остались на пепелище, но они уже нашли временный приют в немецком бункере. В это время к ним является Аленка. Три поколения русских женщин представляют эти героини, им придется восстанавливать домашний очаг, возрождать свой род.

Приступая ко второму тому романа с названием «Имя твое», Петр Проскурин не мог не беспокоиться: сумеет ли он раскрыть новые грани характеров героев, так полюбившихся читателям? Опасения оказались напрасными, автор не только не повторился, но сделал шаг вперед как художник-психолог. Он доказал, что не только в военное время, но и в условиях мира и созидания люди не почивают на лаврах, они включаются в борьбу, в столкновениях раскрываются их характеры. На первый взгляд, личные взаимоотношения Брюханова и Аленки сложились удачно, несмотря на разницу возраста; у них растет дочурка, но не может молодая женщина забыть свою первую любовь, никто ей не заменит возлюбленного, умершего от ран у нее на руках. На другом полюсе — давний враг Советской власти Анисимов, скрывший свои связи с фашистскими захватчиками. Он не находит покоя даже в собственной семье. Сомнения закрадываются в душу другого врага — Макашина. Судьба сводит его с Захаром в таежном поселке. Захар попал туда по недоразумению, его уже реабилитировали, но, не зная этого, Макашин намерен был позлорадствовать над бывшим председателем колхоза — вот и тот очутился в одной компании с власовцами и бендеровцами. «Вот, значит, какое право! — отвечает Захар. — Значит, ты за спасением ко мне? Ну, этого спасения тебе не будет... Во мне не отыщешь, — тотчас уточнил Захар, — в моей судьбе и подавно не отыщешь. Счастливый я для жизни, Макашин, вот что ты знай. Я в это счастье всеми потрохами пророс». Макашин хотел оскорбить Захара, унизить Маню, вызвать сомнение в душе Илюши, а в результате понял, что он сам себя обокрал, что нет больше смысла влачить свою жалкую жизнь.

Дерюгин вернулся к мирной действительности нелегким путем: он проходит «чистку» не только перед следственными органами, но и перед собственной совестью. Медленно, тяжело, но преодолевает духовный кризис. В этом ему помогают как привязанность к детям, так и к родной земле. Смерть Мани явилась толчком, заставившим его возвратиться в Густищи. Но и во время разлуки с родиной он не мог забыть «волнующегося под июльским жарким небом поля ржи». Окончательное нравственное исцеление героя наступает только в родном селе, среди родных и односельчан. Здесь он убедился, что еще нужен людям, что не зачах дерюгинский корень, что зеленеют молодые побеги и листья над его головой. Захар заботится о малых и взрослых детях, он мудро напутствует сына Николая, отправляющегося учиться в Москву: «Земля, она сама по себе закон творит, а поверху всего лишь отголосок доносится — вот что, сын, помни, на какую бы высоту тебя ни занесло».

Петр Проскурин понимает диалектику общественного развития, показывает борьбу нового со старым в науке, в производстве, в человеческих отношениях. Он изображает трудности восстановления семейной жизни Захара и Ефросиньи, Брюханова и Аленки, показывает, какое противодействие оказывают противники передовых идей в науке, тормозящие деятельность Чубарева и Лапина, молодого ученого Николая Дерюгина. Сложные взаимоотношения между героями, трудные судьбы их потребовали сложных сюжетных ходов.

Писатель выработал свою философию действительности, собственную концепцию человека, осознал жизнь как противоречивое бытие, отсюда его умение раскрыть тайные пружины человеческой души. Такой подход диктовал сложный синтаксис языка, напряженные диалоги, глубокие монологи действующих лиц. Часто движение чувств и мыслей автор передает при помощи внешнего жеста, иногда путем тонких ассоциаций.

Даже беглый анализ романов Петра Проскурина дает нам основание сделать вывод о том, что писатель в последних книгах достигает «материковых глубин» как в изображении народной жизни, так и в проникновении в тайное тайных отдельной личности.

Петр Проскурин написал романы, которые так просто не отнесешь ни к «деревенской», ни к «городской», ни к «военной» прозе. Это книги не «производственные» и не «сельские», ибо их автор берет факты в органическом сплаве. В его творчестве соседствуют факты героические и трагические, историческое переплетается с бытовым, повседневным. Писатель не отрывает судьбы личные, семейные от судеб народных, общечеловеческих. Он повествует о мире и войне, о победах и поражениях, о возвышенном и низменном. Он выводит на сцену людей различных социальных групп, начиная от колхозного труженика и кончая академиком и государственным деятелем. Он видит ростки нового в нашей действительности, показывает гибель старого. Писатель утверждает закономерность победы новых форм жизни. В этом и заключаются партийность и народность художественного творчества Петра Проскурина.

В начале статьи мы сказали, что Петр Проскурин как художник слова растет и мужает на наших глазах от романа к роману. Сегодня, когда ему исполняется 50 лет, писатель полон творческих сил, и, мы уверены, он способен снова порадовать читателей новыми, еще более совершенными произведениями.

Михаил МИНОКИН,
профессор,
доктор
филологических наук